

RU

Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX-XXI веков: обзор становления и употребления термина

Лысова О. Ю.

Аннотация. Цель исследования - выявить, как на протяжении последних десятилетий происходило формирование, становление, развитие содержания сложного и многогранного термина «внутренняя форма слова» (далее - ВФС), обозначить области отечественной лингвистики, в рамках которых активно разрабатывается данное понятие, представить мотивированные взгляды филологов, изучающих ВФС на протяжении XX-XXI вв. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые представлен комплексный анализ филологических концепций, объясняющих природу такого уникального междисциплинарного феномена, как внутренняя форма слова, а также даны характеристики новых аспектов изучения данной категории. В результате доказано, что осмысление названного выше понятия происходило постепенно в течение длительного срока в рамках различных научных направлений и в XXI веке вышло на новый уровень лингвистических исследований и обобщений, в том числе и междисциплинарных.

EN

The Internal Word Form in Russian Linguistics of the XX-XXI Centuries: A Review of the Term Formation and Use

Lysova O. Y.

Abstract. The aim of the study is to identify how, over the past decades, the formation, composition, development of the content of the complex and multifaceted term “internal word form” have taken place, to identify the areas of Russian linguistics in which this notion is being actively elaborated, to present the motivated views of philologists studying the internal word form during the XX-XXI centuries. The scientific novelty of the study lies in the fact that the work presents for the first time a comprehensive analysis of philological concepts that explain the nature of such a unique interdisciplinary phenomenon as the internal word form, and also gives the characteristics of new aspects of studying this category. As a result, it is proved that the comprehension of the above notion took place gradually over a long period within the framework of various scientific areas and in the 21st century has reached a new level of linguistic research and generalizations, including interdisciplinary ones.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обобщения научной информации по заявленной проблематике, востребованностью представленных результатов для дальнейших систематизирующих изысканий в области изучения природы внутренней формы языковых единиц русского языка. Правильно выявленная внутренняя форма способствует полному, научно обоснованному раскрытию мотивационной семантики слова, позволяет обозначить более точно особенности его функционирования в различных контекстах.

Достижению сформулированной нами цели будут способствовать следующие задачи: 1) выявить объективные причины изначального терминологического многообразия в обозначении ВФС; 2) сформулировать принципиально значимые подходы отечественных лингвистов к изучению ВФС на протяжении XX-XXI вв.; 3) предложить периодизацию истории осмысления данного языкового явления в указанный период времени; 4) обозначить направления/аспекты научных изысканий отечественных лингвистов в области внутренней формы слова.

Для этого в нашей статье применяются следующие методы исследования: теоретико-аналитический, сравнительный, метод системного подхода и др.

Теоретическую базу исследования составили научные публикации отечественных учёных, посвящённые углублённому анализу внутренней формы языковых единиц в области лексической семантики (Звегинцев, 1957;

Варина, 1976; Гак, 1977), мотивологии и словообразования (Блинова, 1984; Петрова, 2009; Кунгушева, 2010; Гранкина, 2012; Ишмуратова, 2020), стилистики (Минералова, 2016), когнитивистики и лингвокультурологии (Телия, 1993; Маркова, 2011; Макшанцева, 2017), в философском (Бибихин, 2008) и психолингвистическом аспектах (Карманова, 2008; Новикова, 2010). В теоретическую базу вошли также работы по общему языкознанию (Потебня, 1999; Будагов, 2003; Маслов, 2005; Пищальникова, 2015а) и исследования по терминоведению (Кияк, 1987; Травкина, 2007; Зализняк) и др.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут быть полезными в научно-учебной деятельности с целью усовершенствования образовательного процесса студентов по направлению «отечественная филология».

Основная часть

Обращаясь к заявленной теме, следует отметить, что основы научной теории внутренней формы заложены в трудах известных учёных XVIII-XX вв. В. фон Гумбольдта (1984), А. А. Потебни (1999), Г. Г. Шпета (2006) и др. Так, у В. фон Гумбольдта (1984, с. 101) появляется абстрактное и ещё неясно определяемое в его энергетической концепции языка понятие «внутренней формы языка» (*innere Sprachform*), под которым учёный понимал индивидуальный способ выражения данным народом мыслей и чувств в языке. По В. фон Гумбольдту, внутренняя форма выступает средством выражения народного, или национального, духа. Как специфический взгляд на вещи и явления, она характерна для отдельного народа и отличает один язык от другого. При этом само понятие формы языка трактовалось учёным очень широко, так как под нею определялась совокупность всех элементов языка (например, фонетические и лексические единицы, грамматические способы выражения) в их индивидуальном и общественно закреплённом употреблении языка. В целом же у В. фон Гумбольдта внутренняя форма языка не словесна, она – духовная или психическая деятельность, поэтому философски идеальна.

Одним из первых теоретиков в данном вопросе в России считается А. А. Потебня (1999), который отделил проблемы науки от вопросов о происхождении языка и духа народа. В собрании трудов «Мысль и язык» он подробно рассуждает о природе внутренней формы, отметив, что слово обычно выражает не всю «мысль», принимаемую за её содержание, а только один её признак. Так, образ *стола* может иметь много признаков (форма, размер, величина, материал и пр.), но само слово значит только простланное (ср. корень *стл* в глаголе *стлать*). По мнению учёного, в слове есть два содержания: одно – объективное, являющееся ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключающее в себе только один признак, а другое – субъективное, в котором может быть множество признаков. Первое является знаком, символом понятия и может заменять для нас второе; при этом «если исключить второе, субъективное... содержание, то в слове остаётся только звук, то есть внешняя форма и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя. Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (с. 91).

Таким образом, А. А. Потебня видел во внутренней форме слова его предшествующее (или ближайшее) этимологическое значение, которое служит опорой для актуального значения, или смысла. Внутренняя форма есть центр образа, один из признаков слова, преобладающий над всеми остальными; внутренняя форма – это способ, каким выражается содержание. Считается, что для исследования А. А. Потебни о внутренней форме характерен диахронный подход и ономазиологическое понимание самого термина, согласно которому внутренняя форма слова соотносится только с корневой частью лексемы, а не со всем словом в целом и представляет собою субъективно-психологический феномен.

Учения XVIII-XX вв. о внутренней форме у В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и впоследствии Г. Г. Шпета и др. в целом отличаются своей сложностью и абстрактностью, широким философским контекстом в противовес лингвистической отдельности. Возможно, именно поэтому языковеды в начале и середине XX века в своём большинстве или не всегда пользовались термином *внутренняя форма*, или брали его в кавычки (см. об этом ниже).

В начале и середине XX в. в научной литературе лингвистический статус понятия «внутренняя форма» был противоречивым, неустойчивым. Так, В. Г. Варина (1976) в работе «Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц» указывала, что при попытке определить синхронный статус названного понятия «одними лингвистами причастность внутренней формы к значению слова оспаривается, а другими, напротив, утверждается» (с. 236).

В русской филологии изначально не наблюдалось единства и в отношении использования самого термина «внутренняя форма слова». Недостаточная разработанность теории таких понятий, как «внутренняя форма», «внутренняя форма языка», «внутренняя форма слова», «внутренняя форма фразеологизма», недооценка категориальных свойств этих языковых явлений, сложность семантической природы и знаковых характеристик приводили к тому, что некоторые учёные долгое время отказывались признавать лингвистический статус ВФС, предлагая иные, более «точные», по их мнению, термины-аналоги внутренней формы слова: «буквальное значение», «представление», «знак значения» (Потебня, 1999, с. 90), «отношение буквального и более далёкого значения» (Винокур, 1990, с. 144), «смысловая связь по формам словообразования» (Винокур, 1990, с. 130), «мотивировка» (Амосова, 1963, с. 8) и др. (см. об этом также: Кияк, 1987, с. 59; Новикова, 2010, с. 171).

Причинами обозначенного выше терминологического многообразия учёные ранее называли неудачность (Левковская, 1962, с. 153) и многозначность самого термина «форма». Так, В. В. Виноградов (1972), размышляя об отличиях грамматических функций основных типов слов русского языка, их грамматической природе

и формах, подчёркивал следующее: «Многозначность термина “форма” породила ряд научных недоразумений, губительно отразившихся на развитии русской грамматической науки» (с. 32).

Широко трактовал понятие внутренней формы Г. О. Винокур (1990), указывая, что для художественного текста это понятие распространяется и на область грамматики, где возможны «такие поэтические значения, которые мотивированы ближайшими значениями, свойствами данной формы в языке общем» (с. 134).

В настоящий момент полного ответа на вопрос, какие признаки языка можно отнести к внутренней форме, не существует. По мнению Т. Б. Радбиля (2010), это могут быть «некоторые устойчивые, типичные черты разных уровней языковой системы, остающиеся в основе своей неизменными при её синхроническом функциональном варьировании и диахроническом развитии и, что важно, безошибочно распознаваемые в качестве таковых всеми носителями языка» (с. 112-113). В лексике, например, это могут быть: а) совокупность базовых корней слов со значениями, образующими этимон каждого корня; б) наборы слов, формирующих ассоциативные поля; в) типовые, обладающие высокой прецедентностью словосочетания и пр.

Совокупность научных исследований XX-XXI вв. позволяет выделить работы, посвящённые отдельно внутренней форме слова и внутренней форме фразеологизма (Лысова, 2012).

В годы структурализма не ставилось вопроса изучения ВФС, хотя некоторые авторы в 50-60-е годы XX века говорили о наличии в слове двух форм одновременно: внешней (материальной, звуковой) и внутренней (выступающей как образ, представление о референте, семантическая метка лексического значения).

Вместе с тем большинство современных лингвистических работ по данной теме демонстрирует приятие и активное использование термина ВФС. Одним из первых в защиту такой точки зрения выступил Р. А. Будагов (2003), который полагал, что не существует объективных поводов для отказа от употребления указанного понятия: такой термин мог подвергаться критике ранее, в «идеалистическом языкознании» (с. 80), но в середине XX в. это уже не могло являться «весомой причиной отказа» (с. 80) и от самого понятия, и от его научного обозначения.

В настоящее время уже нецелесообразно заменять общепринятый термин новым словом, равно как и нецелесообразно соглашаться с безмерным расширением понятия ВФС, на котором настаивали некоторые другие исследователи. Так, А. В. Чичерин (1968), рассматривая эстетическое проявление внутренней формы в тексте художественного произведения, предлагал расширенное, не этимологическое, понимание внутренней формы слова как его скрытой силы, как любого экспрессивного момента, вызывающего образность в результате связи одного слова с другими в структуре анализируемого текста. Вот какое определение ВФС даёт учёный: «...звуковой, образный и смысловой строй слова, та или другая клеточка которого то угасает, то пробуждается к жизни и является внутреннею формою слова» (с. 44).

Добавим к сказанному, что сам термин ВФС закрепился в научном обиходе не сразу: например, его употребляли ранее в своих работах в кавычках следующие учёные: В. А. Звегинцев (1957), К. А. Левковская (1962), В. Г. Варина (1974), Л. Г. Хижняк (1975), Т. Р. Кияк (1987).

На протяжении второй половины XX в. данная дефиниция имела достаточно неопределённый статус и объём понятия, хотя с 80-х гг. XX в. активно изучалась лексикологами в связи с выяснением процессов мотивации слов при их возникновении. Так, О. И. Блинова (1984, с. 25) утверждает, что ВФС как научное понятие является основополагающим в теории мотивации, но определяется по-разному у отдельных лингвистов, так как существует разнообразие точек зрения на природу данного явления. Например, Р. А. Будагов и В. А. Звегинцев считают, что внутренняя форма слова – это «способ выражения понятия через слово, характер связи между звуковой оболочкой слова и его первоначальным содержанием» (Будагов, 2003, с. 80); а для В. А. Звегинцева (1957, с. 191-192) – это ещё и первоначальный «признак» слова.

Внутренняя форма слова как лингвистическая категория, её сущность и роль в семантической структуре лексемы становятся в последующем предметом пристального внимания учёных. Осмыслиются насущные характеристики данной дефиниции, позволяющие привести принципиально важные для нас определения данного термина как идеальной смысловой категории.

По мнению отечественных лингвистов, ВФС – это:

- то же, что и внутренняя форма языка, этимологическое значение, отношение содержания мысли к сознанию (Потебня, 1999, с. 91; Звегинцев, 1957, с. 196; Пищальникова, 2015b, с. 53);
- третий элемент (представление о предмете), служащий связью между внешней формой слова и его значением (Травкина, 2007, с. 104);
- особый компонент содержания «в синхронном аспекте семантики» (Варина, 1974, с. 22);
- «семантическая структура знака/слова» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 81);
- признак, представляющий референта (Мигирова, 1977, с. 8);
- применительно к производному, корневому слову: «...признак, являющийся невербальным образованием и выделяемый a posteriori в виде умственного образа» (Кияк, 1987, с. 63);
- применительно к производному слову – его ближайшее, мотивационное, значение, вытекающее из значений составляющих лексему морфем (Блинова, 1995, с. 117; Голев, 2012, с. 66), способ реализации мотивированности слова (Филатова, 2003, с. 43);
- морфо-семантическая структура слова как «единство определённого семантического содержания и его материального носителя, представляющего собой в типичном случае производящую основу и словообразовательный формант» (Петрова, 2009, с. 12; Сидорова, 2006, с. 48-54);
- образ, представление, идея, ассоциация, которые лежат в основе значения (наименования) или употребления слова (Виноградов, 1972, с. 20; Гак, 1977, с. 42; Телия, 1993, с. 56).

Данные определения учёных фокусируют внимание на диалектической связи объективного и субъективного в самом явлении номинации чего-либо, потому что, определяя признак, который кладётся в основу наименования референта, невозможно не учитывать субъективное отношение говорящего к предмету названия, при этом само наименование отражает субъективный образ объективного мира. Так считал, например, А. В. Кунин (1996, с. 165), который под ВФС понимал или его исходное этимологическое значение, или образные элементы в значении слова.

С другой стороны, большая часть лингвистов (Г. Г. Шпет, В. Г. Варина, А. А. Зализняк, Ю. С. Маслов, Н. В. Макшанцева) рассматривает ВФС как семантико-словообразовательный признак номинации, материализованный в слове. Для В. Г. Вариной (1976, с. 237) – это синхронный компонент семантики слова; для Ю. С. Маслова (2005, с. 121) – указание на тот мотив, который обуславливает выражение данного значения именно таким сочетанием звуков и осознаётся говорящим в качестве звукового обоснования облика этого слова (название птицы кукушка связано с криком «ку-ку», столяр называется так потому, что делает столы). См. также работу Н. В. Макшанцевой (2017, с. 7), а также определение ВФС как способа «реализации мотивированности» (Филатова, 2003, с. 43).

Существуют, в свою очередь, мнения, объединяющие указанные выше подходы к пониманию ВФС (А. И. Фёдоров, А. А. Зализняк и др.). А. И. Фёдоров (1973) считал, что внутренняя форма слова – это не только признак, по которому назван весь предмет, но и одновременно «остаточный элемент значения производящего слова в производном, передающий представление о признаке, по которому назван предмет и, таким образом, мотивирующий название предмета» (с. 11), ср.: учитель – учитель-ск-ий.

А. А. Зализняк утверждает, что ВФС – это «мотивированность значения слова... значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта» (БРЭ).

По мнению О. И. Блиновой (1984), указанные выше определения верны, но недостаточны. Учёный считает, что целесообразнее определить ВФС как средство, или способ, реализации в слове его лексической и структурной мотивированности: «...внутренняя форма – это морфосемантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» (с. 26). При этом внутренняя форма характеризуется двуединством: в ней вычленяется форма (мотивационная форма) и содержание (мотивационное значение), причем «материальным проявлением внутренней формы слова является значимый сегмент/сегменты звуковой оболочки слова» (с. 26). Следовательно, внутренняя форма имеет двухкомпонентную структуру, в которой первый компонент – мотивационная форма – создаёт звуковую оболочку слова, а второй компонент – мотивационное значение – образует семы лексического значения слова, «указывает на внутрисловный характер внутренней формы, её срединное положение» (с. 26). Необходимо добавить, что если оба компонента – мотивационная форма и мотивационное значение – актуализируются в сознании носителей языка, то лексема признаётся полностью мотивированной, если же актуальным является только один из компонентов, то слово признаётся частично мотивированным, или полумотивированным.

В настоящее время лексикологи оценивают внутреннюю форму слова как *важнейший узел системных связей в языке* (см. одноимённую работу Н. И. Мигириной (1977)), потому что она фиксирует словообразовательные связи лексем (способы образования, модели и типы, словообразовательные средства) и сосредоточивает в себе мотивационные отношения различных языковых единиц (мотивированных – немотивированных); называет мотивировочный признак обозначаемого и «тем самым отражает принципы и признаки номинации (подорожник – назван по месту произрастания, черника – по цвету... и т.д.), способы номинации (черныльница – прямой способ, дуб ‘о человеке’ – опосредованный)» (Блинова, 1984, с. 96). ВФС связана с номинативной системой языка, с его грамматическим строем и лексической и синтаксической синонимией.

ВФС важна для морфологической системы русского языка, потому что она способствует выражению таких категориальных значений, как собирательность (ельник), отвлечённость (храбрость), признак предмета (сосновый), действие (мяукать) и др. (Блинова, 1984). Все эти важные составляющие дефиниции рассматриваемого понятия логично обозначены в определении ВФС, данном Н. Е. Петровой (2009): ВФС – это двусторонняя, материально-идеальная сущность; «смысловой образ, составляющий семантический план ВФ, должен быть объективирован морфемной структурой, организует которую не только основа мотивирующего слова, но и деривационный формант» (с. 9).

Обобщая сказанное выше, можно прийти к выводу о том, что ВФС является сложной, многогранной языковой категорией, которая не сводится только к этимологии слова, его лексическому значению, мотивированности или сумме значений составляющих морфем (Кияк, 1987; Лысова, 2012).

Данная дефиниция репрезентируется морфемной структурой слова, создавая единство взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Внутренняя форма языковой единицы – это системная характеристика слова или идиомы, которая выступает в качестве «перекидного мостика» от звуковой оболочки к значению языкового знака. Предполагается, что слова фиксируются в нашей памяти в первую очередь в виде внутренних форм, а не в виде комплексов звуков, морфем, значений, так как ВФС – это тот след, который слово оставляет в памяти человека.

Внутренняя форма слова как морфо-семантическая структура позволяет осознать взаимообусловленность звучания и значения языковой единицы и способствует изучению лексем в самых различных научных аспектах. Назовём их:

- *онтологический* аспект: связан с выявлением структуры и типов/видов ВФС (Блинова, 1984; Филатова, 2003; Карманова, 2008; Рахматуллина, 2008; Кунгушева, 2010; Ольховская, 2017);
- *функциональный* аспект: предполагает описание значимых функций ВФС (Блинова, 1995; 2012; Голев, 1998; Гранкина, 2012);
- *лексикографический* аспект: включение в состав словарной статьи информации о ВФС помогает мотивировать значение лексемы (Савенко, 2009);
- *лингвокультурологический* аспект: с помощью ВФС «определяются разряды лингвокультурологических помет у образных слов и фразеологизмов» (олицетворение, антропоморфизм, мифоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм и др.) (Блинова, 2011, с. 132-135; Сидорова, 2007; Маркова, 2011; Блинова, 2012);
- *сопоставительный* аспект: ВФС служит базовым материалом для определения специфики и единства сравниваемых языков (Савенко, 2015; Селезнева, 2016; Ишмуратова, 2020);
- *психолингвистический* аспект: осознание ВФС носителями языка приобретает особую важность «в контексте изучения процессов восприятия, идентификации и хранения лексических единиц изучаемого языка в сознании условного билингва» (Новикова, 2010, с. 174) и др.

В последние годы усиленное внимание к ВФС проявляют преподаватели РКИ и ономасты. В первом случае учёные-практики считают, что роль ВФС велика на уроках с иностранными учащимися во время презентации нового лексического материала и организации повторения усвоенной лексики (Власова, 2016; Ботин, 2021; Огольцева, 2021); во втором – метаязыковой подход позволяет более детально охарактеризовать функции и системные отношения в лексике различных ономастических групп (Волков, 2017; Болгова, 2021).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В изучении ВФС можно обозначить три условных периода: 1) становление самого понятия внутренней формы слова (до 70-80-х годов XX века) и первые исследования в области лексикологии и словообразования; 2) распространение данного термина в различных научных направлениях (80-е годы XX века – конец XX века), когда осмыслением внутренней формы слова и фраземы занимались исследователи в области деривационной лексикологии, ономастиологии, этимологии, фразеологии, семантического словообразования, когнитивистики, стилистики, психолингвистики; формулировались дефиниции данного понятия применительно к тому или иному научному направлению; определялись структура, типы и функции ВФС; 3) современный этап (первые два десятилетия XXI в.), когда происходит количественное увеличение научных сфер (аспектов), в которых ВФС продолжает активно изучаться с точки зрения синхронии и диахронии, описательной и сопоставительной мотивологии, лексикографии (составление мотивационных и иных словарей), взаимосвязи внутренних форм слов и фразеологизмов; методики преподавания РКИ и т.д.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении особенностей внутренней формы языковых единиц, относящихся к различным лексико-тематическим группам (зоонимам, фитонимам, топонимам и т.д.). Сведения о ВФС, представленные в словарных статьях современных и будущих словарей, будут способствовать более точному и правильному пониманию значения слова, развивать творческое и ассоциативное мышление реципиента.

В целом изучение данного языкового феномена как инструмента научного познания в XXI веке выйдет на новый уровень лингвистических изысканий, которые могут быть осуществлены в самых различных направлениях, в том числе и метаязыковых.

Источники | References

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
2. Бибихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008.
3. Блинова О. И. Внутренняя форма слова и её функции // Русистика сегодня. 1995. № 2.
4. Блинова О. И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20).
5. Блинова О. И. Двусловные номинации в аспекте теории образности и лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1.
6. Блинова О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984.
7. Болгова Н. С. Особенности внутренней формы производных от имён собственных // Terra rusistica: сб. мат. I Междунар. форума молодых русистов. Псков, 2021.
8. Ботин В. А. Роль внутренней формы слова в презентации нового лексического материала на уроке РКИ // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: сб. науч. ст. СПб., 2021.
9. Будагов Р. А. Внутренняя форма слова. Этимология и развитие значения слова // Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Добросвет, 2003.
10. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1976.
11. Варина В. Г. Некоторые проблемы «внутренней формы» языка // Лингвистика и методика в высшей школе: сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. им. М. Тореза. М., 1974. Вып. 6.
12. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.

13. Винокур Г. О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990.
14. Власова О. Б. Изучение внутренней формы слова в русской и иностранной аудитории // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2016. № 3.
15. Волков В. В. Внутренняя форма топонимов как основа микросистемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-3 (72).
16. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.
17. Голев Н. Д. Окказиональная символизация внутренней формы лексических единиц в тексте (часть 1) // Вестник Новосибирского университета. Серия «История, филология». 2012. Т. 11. № 9.
18. Голев Н. Д. Экспрессивное функционирование внутренней формы русского слова в тексте // Культура и текст. Литературоведение. 1998. № 3.
19. Гранкина А. Н. Дифференцирующая и регулирующие функции внутренней формы слова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012.
20. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
21. Звегинцев В. А. «Внутренняя форма» и лексическое значение слова // Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
22. Ишмуратова Л. Н. Внутренняя форма слова: сопоставительно-семасиологический анализ лексических единиц русского и башкирского языков // Вестник Башкирского университета. 2020. № 1.
23. Зализняк А. А. Внутренняя форма слова // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/1920827> (дата обращения: 12.07.2022).
24. Карманова З. Я. О содержании внутренней формы слова // Мир лингвистики и коммуникации. 2008. № 11.
25. Кияк Т. Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
26. Кунгушева И. А. Внутренняя форма слова и причины её утраты. Благовещенск: Изд-во Амурск. гос. ун-та, 2010.
27. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996.
28. Левковская К. А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа, 1962.
29. Лысова О. Ю. О соотношении внутренней формы слова и внутренней формы фразеологизма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 2 (20).
30. Макшанцева Н. В. Внутренняя форма слова-репрезентанта концепта как транслятор культурного смысла // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 1.
31. Маркова Е. М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты // Русский язык за рубежом. 2011. № 5.
32. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. СПб.: Академия, 2005.
33. Мигирова Н. И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. Кишинёв: Штиинца, 1977.
34. Минералова И. Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма. М.: Флинта, 2016.
35. Новикова И. В. Внутренняя форма слова как объект исследования // Вестник Костромского государственного университета. 2010. Т. 16. № 3.
36. Огольцева Е. В. Приёмы актуализации внутренней формы образного производного слова в художественном тексте // Лекантовские чтения - 2021: мат. междунар. науч. конф. М., 2021.
37. Ольховская А. И. Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания // Научный диалог. 2017. № 4.
38. Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009.
39. Пищальникова В. А. Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова // Русский язык в школе. 2015а. № 9.
40. Пищальникова В. А. Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова // Русский язык в школе. 2015б. № 10.
41. Потенба А. А. Мысль и язык: собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999.
42. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2010.
43. Рахматуллина А. Ф. Понятие внутренней формы слова в современном языкознании // Вестник Башкирского университета. 2008. № 4.
44. Савенко А. С. Лексикографический аспект явления мотивации слов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (87).
45. Савенко А. С. О степени вариативности внутренней формы слова в славянских и романских языках // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4.
46. Селезнева Н. В. К вопросу о внутренней форме слова в русском и китайском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-2 (57).
47. Сидорова Т. А. Взаимосвязь членности, производности и мотивированности внутренней формы слова // Филологические науки. 2006. № 1.
48. Сидорова Т. А. Идиоэтнический компонент внутренней формы слова (когнитивный аспект) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Книжное наследие, 2007.
49. Телия В. Н. Внутренняя форма и её роль в функционировании значения слов и фразеологизмов // Семантика языковых единиц: мат. III науч.-исслед. конф. М., 1993. Ч. 2. Фразеологическая семантика.

50. Травкина А. Д. Третий элемент, или «Цемент для соединения двух половинок разбитого камня слова» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2007. № 12.
51. Фёдоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII - начале XIX в. Новосибирск: Наука, 1973.
52. Филатова А. С. Мотивологический анализ видов внутренней формы слова (на материале орнитонимов и фитонимов русского и английского языков) // Лингвистический ежегодник Сибири. 2003. Вып. 4-5.
53. Хижняк Л. Г. Эстетическое использование внутренней формы слова и фразеологизма: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 1975.
54. Чичерин А. В. Идеи и стиль: о природе поэтического слова. М., 1968.
55. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд-е 3-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006.

Информация об авторах | Author information

RU**Лысова Ольга Юрьевна**¹, к. филол. н., доц.¹ Поволжская академия образования и искусств, г. Тольятти**EN****Lysova Olga Yurievna**¹, PhD¹ Povolzsky Academy of Science and Art, Tolyatti¹ olgha_lysova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.08.2020; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): внутренняя форма слова; образ слова; морфемная структура слова; мотивация; мотивационное значение; internal word form; word image; morphemic word structure; motivation; motivational meaning.